

Максим Исповедник

**О различных трудных местах (апориях)
преподобный Максим Исповедник**

Апория 18. Толкование на Анну и Самуила (1 Цар 1:20).

Так и блаженная Анна, мать великого Самуила, будучи бесплодной и бездетной, испросив у Бога плод чрева и в [усердной] молитве в храме с жаром дав обет, что дитя, которое будет ей даровано, воздаст и угодит дарующему и угождающему Богу, таинственно научила, что всякая душа, свободная¹ от плотских наслаждений, ради Божиего [наслаждения] нуждается в семенах добродетелей, чтобы, зачав в разуме и родив, она смогла принести послушное Слово Божие, способное в благочестивой созерцательной молитве познавательно видеть предстоящее, рассуждая, что великий и драгоценный долг – не иметь ничего своего, дабы показать, что только Бог дарует и принимает, как сказано где-то в законе: Дары Моя, деяния Моя, приносы Моя ... соблюдайте приносить Мне (Чис 28:2)², поскольку из Него и в Нем все благое и начинается и завершается. Ибо Слово Божие, в ком рождается, [в том] по своему обыкновению уничтожает движения плоти, сдерживает душу от стремления к ним и наполняет [ее] всяким истинным распознаванием.

Апория 19

Толкование на запирающего нечистый дом (Лев 14:38).

И действительно, слыша о священнике, вступающем согласно предписанию закона в каком бы то ни было образом нечистый дом, запирающем его и дающем повеления его владельцам относительно очищения, я думаю, что под ним подразумевается Первосвященник-Слово, Которое вступает в душу словно чистейший свет и раскрывает преступные намеренья и замыслы вместе с виновными деяниями и мудро предлагает способы обращения и очищения. Более мудро указывая на это, та, которая приняла пророка Илию, говорила: Человек Божий, ты пришел ко мне напомнить мне о беззакониях моих (3Цар 17:18)³.

Апория 20. Толкование на пророка Илию и Сарептскую вдову (3 Цар 17:9).

Всякая вдовствующая душа, лишенная добрых дел, добродетели и ведения, когда принимает божественное и распознающее Слово Божие, вспоминая о своих грехах, научается неким образом питать хлебами добродетели питающее [нас] Слово и поить учениями истины источник жизни и самой [своей] природе предпочитать заботу о Нем, благодаря которой “кадка” (3Цар 17:12) – плоть доставит деятельную относительно добродетелей краткость, “кувшин” – ум будет непрестанно источать созерцание, сохраняющее свет ведения, а врожденный разум, как тот сын вдовы, оставив прежнюю преданную страстям жизнь, будет удостоен стать причастником Божественной и истинной жизни, даруемой Словом.

Апория 32

Толкование о том, как может некто подражать святым, [жившим] прежде закона и после закона, и каково тождество естественного закона и писаного согласно переходу одного в другой.

Точно так же каждый из нас по своему желанию может отнести к себе всех святых, духовно принимая вид каждого, исходя из того, что было написано о нем, как образы, в истории (ибо божественный Апостол говорит: [Все это] происходило с ними, как образы; а описано в наставление нам, достигшим последних веков (1Кор 10:11)). С одной стороны, [принимая вид] святых, [живших] в древности прежде закона, [каждый из нас] благочестиво приобретает знание о Боге от творения мира и научается от Промысла, мудро управляющего вселенной, осуществлять добродетели, сообразно самим тем святым, [жившим] прежде закона, которые посредством всего естественно в самих себе предначертан писанный Духом закон благочестия и добродетели, были естественно представлены как пример для тех, кто [жил] согласно закону (ибо сказано: Посмотрите на Авраама, отца вашего, и на Сарру, родившую вас (Ис 51:2)). С другой стороны, [принимая вид святых, живших] согласно закону по заповедям для познания Бога, на Которого они намекали, [каждый из нас] возносится благочестивой мыслью, украшается подобающими образами добродетелей посредством благородного делания и научается тому, что естественный закон тождествен писаному, когда он согласно деланию мудро разнообразится символами. И наоборот, писанный – естественному, когда он становится единообразным, простым и (благодаря рассудку и созерцанию в достойных) свободным согласно добродетели и ведению от символов, сообразно самим тем святым, [жившим] в законе, которые оказались духовно обладающими естественным законом, поскольку дух снял [с них] букву, словно покрывало (ср. 2Кор 3:14).

Апория 33

То, что святые [жившие] согласно закону, духовно принимая закон, предвидели являемую посредством него благодать.

В самом деле, все [святые], отчетливо предвидев, что будет иное помимо подзаконного служение [Богу], предвозвестили, что согласно этому служению явится совершенство в высшей степени богоподобной жизни, соответственное и в высшей степени сродственное [нашей] природе, поскольку они не нуждались ни в чем внешнем для [достижения] совершенства, как стало ясно всем, кому известны божественные пророчества закона и пророков. Особенно на это намекали Давид и Езекия, каждый своим [собственным] помимо прочих действием: один согласно закону умилоствляя Бога за грех (ср. 4Цар 20и далее), а другой – гордясь продлением жизни, которое [даровал] ему Бог по иному, отличному от закона постановлению.

Апория 34

То, что подлинно следующий по [своему] расположению за Христом благодаря добродетелям превосходит и писанный, и естественный закон.

Я думаю, нет никакого препятствия тому, кто был прежде боголюбиво воспитан в этих законах (то есть в естественном и писаном), раз он богоподобно соблюдает их, и без них подлинно последовать благодаря искренней вере за единственно ведущим к высшему благу Словом, не касаясь помышлением совершенно никакой вещи, помысла или мысли, которым покоряется и в которых проявляется так или иначе сущая природа и ведение так или иначе умопостигаемого и сущего; так что для того, кто предпочел подлинно следовать за прошедшим небеса Иисусом (ср. [Евр 4:14](#)), естественно и на примере Божественного света уметь собирательно показать, насколько возможно человеку, истинное познание сущего.

Апория 35

Толкование способа, согласно которому тот, кто во всем стал послушен Богу, превосходит естественный и писанный закон.

Если вся природа сущего разделяется на умопостигаемое и чувственное, и первое называется и есть вечное, поскольку получило начало бытия в вечности, а второе – временное, поскольку сотворено во времени; и первое подпадает мышлению, а второе чувству из-за соединяющей их друг с другом нерушимой силы природного связующего свойства, ибо велика связь умопостигающего с умопостигаемым и чувствующего с чувственным, и человек, состоящий из души и чувственного тела, через взаимообменную природную связь и особенность относительно каждой из двух частей творения ограничивается и ограничивает, душа – сущностью, а тело – силой, поскольку он разделен на собственные соответствующие им части и привлекает их в единство с собой посредством собственных частей; ибо по своей природе человеку свойственно ограничиваться умопостигаемым и чувственным, поскольку он состоит из души и тела, и по возможности их ограничивать, поскольку мыслит и чувствует.

Бог же просто и беспредельно превосходит все сущее, объемлющее и объемлемое, и природу того, без чего их нет; я имею в виду [природу] времени, века и места, в которых заключена вселенная, поскольку Он совершенно отрешен от всего [этого]. Стало быть тот, кто целомудренно узнал, как следует любить Бога, Который превосходит слово, ведение и просто какое бы то ни было отношение и пребывает превыше природы, тот безусловно преодолет все чувственное и умопостигаемое и всякое время, век и место, сверхъестественно отложив, наконец, всякое действие согласно чувству, рассудку и уму, и неизреченно и неведомо достигнет Божественной улады, превышающей рассудок и ум (ср. Флп 4:7) (согласно тому способу и образу, который знает Бог, дарующий такую благодать, и те, кто удостоились получить ее от Бога), уже не привнося ничего естественного или писаного, поскольку все, что может быть сказано и познано, он полностью превзошел и предал безмолвию.

Апория 54

Естественное созерцание, посредством которого святые учились о Боге из творений.

Итак, таким образом святые, постигнув творение, его благоустроенность, соразмерность и пользу, которую каждое доставляет целому, и что совершенно все сотворено мудро и промыслительно согласно с тем принципом, с которым было сотворено, и что невозможно возникшему обстоять хорошо каким-либо иным образом помимо того, как оно обстоит теперь, поскольку оно не нуждается в прибавлении или отъятии, чтобы обстоять хорошо иным образом, были научены Создателю из Его произведений. Так [постигнув] устойчивость, порядок, положение возникшего и устройство, согласно которому все по собственному виду каждого пребывает неслиянным и свободным от всякого смешения, круговращение звезд, происходящее тем же образом, ни в чем никогда не различающееся, годичный цикл, совершающийся в определенном порядке согласно возвращению того же самого из того же места на то же самое, и равенство дней и ночей в году, поскольку они поочередно увеличиваются и уменьшаются, причем их увеличение или уменьшение не бывает в большей или меньшей мере, – они узнали, что Промыслителем сущего является Тот, Кого они познали [как] Бога и Создателя.

Апория 55

Естественное созерцание того, что мир и все иное после Бога имеет начало и возникновение.

Ибо кто, созерцая красоту и величие творений Бога, не помыслит тотчас, что Он – Источник возникновения (genesiourgTn), как Начало и Причина сущего и [его] Творец, не вознесется разумом к Нему Единственному, оставив это внизу, потому что не способен от природы вместить весь переход разума (tBjdiano...aj ... diJbasin), стремясь постичь сразу же Того, Кого он познал в творениях, и не отвергнет немедленно свое заблуждение о том, что мир безначален, истинно рассуждая, что все движущееся непременно имело начало движения? И всякое движение не безначально, поскольку не беспричинно. Ибо началом оно имеет то, что движет, а причиной – то, что призывает и влечет к тому концу, к которому оно движется. И если началом всякого движения всего движущегося есть движущее, а концом является причина, к которой несется движущееся (ибо ничто не движется беспричинно), и ничто из сущего не неподвижно, если только оно не первое движущее (ибо первое движущее непременно неподвижно, потому что безначально), стало быть ничто из сущего не безначально, потому что не неподвижно. Ибо все какое бы то ни было сущее движется, кроме единственной, неподвижной и всепревосходящей Причины: мыслящие и разумные [сущие движутся] познавательны и научно, потому что они не есть познание и наука сама по себе. Ибо их познание и наука не являются их сущностью, а свойствами, созерцаемыми в их сущности, возникшими из правильного суждения согласно уму и разуму (я имею в виду их составообразующие силы).

Апория 56

Созерцание о сокращении и расширении сущности, качества и количества, согласно которому они⁴ не могут быть безначальными.

Но и сама так называемая простая сущность не только того, что [пребывает] в возникновении и тлении, движется согласно возникновению и тлению, но и [сущность] всего сущего двигалась и движется принципом и способом расширения и сокращения. Ибо она движется от самого общего рода через менее общие к видам, посредством которых и на которые ей свойственно разделяться, продвигаясь вплоть до самых частных видов, которыми определяется ее расширение, ограничивающее ее бытие снизу. И опять-таки она сводится от самых частных видов через более общие, возвращаясь к самому общему роду, которым определяется ее расширение, устанавливающее ее бытие сверху. Итак, она ограничивается с двух сторон, я имею в виду сверху и снизу, и оказывается имеющей начало и конец, не будучи в состоянии всецело воспринять принцип беспредельности.

Подобным образом и количество, не только того, что [пребывает] в возникновении и тлении, движется согласно увеличению и уменьшению всяким способом, которым ему свойственно созерцаться, но и всякое [количество] всего [сущего], двигаясь по принципу ослабления и напряжения и видообразуясь частными различиями согласно расширению, ограничивается [таким образом], не будучи в состоянии распространяться до бесконечности. И опять-таки, возвращаясь, оно сводится, утрачивая тот вид, что относится к этим различиям, но не сродственный вид. Подобным образом и качество, не только того, что [пребывает] в возникновении и тлении, движется согласно изменению, но и всякое [качество] всего [сущего], двигаясь согласно изменчивости его различия, приемлет расширение и сокращение. И никто, мыслящий здраво, не скажет, что то, чему свойственно распространяться и собираться по принципу и действию, совершенно неподвижно. А если не неподвижно, то и не безначально, если же не безначально, то, очевидно, и не является невозникшим, но так же как он знает, что движущееся имело начало движения, так знает, что возникшее имеет начало возникновения для бытия, получив бытие и движение от единственного и единого Невозникшего и Неподвижного. И то, что имеет начало согласно возникновению [его] бытия, никоим образом не может быть безначальным.

Апория 57

Доказательство того, что все, что вне Бога, непременно [ограничено] местом, и поэтому по необходимости и временем, и что то, что [ограничено] местом, непременно имело начало бытия во времени.

Не стоит говорить о том, что и само бытие сущего, имеющее определенный образ бытия, а не простой, что есть первый вид ограничения, [есть] веский и значительный [аргумент] для доказательства того, что сущее имело начало по сущности и возникновению. [Да и] кто не знает, что прежде всякого какого бы то ни было сущего, кроме Божественного и единственного, существующего превыше самого бытия в собственном смысле, мыслится определенное место, вместе с которым целиком и полностью по необходимости мыслится определенное время. Ибо невозможно мыслить определенное место отделенным по лишению от определенного времени (ибо им свойственно существовать одновременно, поскольку им присуща неотъемлемость), ни определенное время не отделяется по лишению от определенного места, с которым оно обычно мыслится. И доказывается, что все, как сущее в [каком-либо] месте, подпадает под [катеорию] места. Ибо само по себе все не превосходит всего⁵ (ибо несколько нелепо и невозможно изрекать, что само по себе все превышает само себя), но ограничивает само себя после всеограничивающей беспредельной силы Всепричины, будучи само внешним пределом самого себя. Этот предел является и местом всего, как и определяют некоторые место, говоря: “место есть внешняя окружность всего, или внешнее положение всего, или предел объемлющего, которым объемлется объемлемое⁶”.

И вместе с тем будет доказано, что [все] как сущее непременно во времени подпадает под [катеорию] времени, поскольку все, что имеет бытие после Бога, имеет не простой, а определенный образ бытия. И поэтому оно не безначально. Ибо все, что каким бы то ни было образом приемлет определение образа бытия, даже если и есть [теперь], [некогда] не было. Поэтому говоря, что Божество есть, мы не говорим, каким образом Оно есть, и потому “есть” и “было” мы говорим о Нем просто, неопределенно и абсолютно. Ибо Божество не воспринимаемо никаким словом или мыслью, и мы говорим о Нем, что Оно есть, не утверждая Его бытие. Ибо из Него [происходит] бытие, но Оно не есть бытие само по себе. Ибо Оно превосходит и бытие само по себе, будь то называемое и мыслимое простым, будь определенным образом. И если сущее имеет

определенный образ бытия, а не простой, то, поскольку оно попадает под категорию места вследствие положения и ограничения его естественных принципов, оно будет подпадать непременно и под категорию времени из-за того, что [имело] начало.

Перевод с греческого И. Пролыгиной

Апория 95

Из Слова XXXVIII святителя Григория Богослова на Богоявление на [слова]: “Слово оплотняется”⁷.

Богоносный учитель сказал, что “Слово оплотняется” в таком, как мне кажется, смысле: либо потому что Слово, будучи простым и бестелесным, и духовно питая все по порядку сущие на небе Божественные силы, удостоило и через Свое пришествие во плоти *из нас, ради нас, сообразно нам* оплотниться кроме греха и речами и примерами изложить свойственным нам образом учение о неизреченном, превосходящее силу всякого слова (ибо сказано, что Он говорил все в притчах и без притчи ничего не излагал⁸; ведь учителя охотно этим пользуются, если слушатели не понимают сказанное в прямом смысле, таким образом приводя их к пониманию своих слов). Либо [это сказано] потому что Он, неизреченно сокрыв Себя ради нас в основаниях сущего, обозначается, словно в неких письменах, соответственно в каждой видимой [вещи], весь во всем одновременно наиполнейший и всецелый в каждой отдельной части, целостный и неумаленный, в различном неразличный и всегда самотождественный, в сложном простой и несложный, в подначальном безначальный, невидимый в видимом и в осязаемом неосязаемый. Либо [это сказано] потому что ради нас, отучневших умом, Он соизволил стать телесным и запечатлеться в буквах, слогах и словах, чтобы благодаря всему этому нас, следующих за Ним и объединенных Духом, постепенно привести к Себе и возвести к простому и абсолютному понятию о Себе, настолько сплотив нас в единство с Собой ради Себя, насколько Он распространил Себя ради нас из-за [Своего] снисхождения.

Апория 96

Из того же Слова на [слова]: “[Бог познается] не из того, что Ему присуще, а из того, что Его окружает, когда одно представление складывается из [чего-то] другого в какое-то одно отображение истины”.

Из сущностных свойств, то есть из самой сущности, никогда не познается то, что есть Бог. Ибо понятие о том, что Он есть, непостижимо и совершенно недоступно никакой твари, как видимой, так и невидимой. Но Бог приоткрывает Себя для зрящих из того, что окрест [Его] сущности, и только тогда, когда это созерцается правильно и благочестиво. И все, что окрест сущности, обнаруживает не то, что Он есть, а то, что Он не есть, как, например, нерожденность, безначальность, беспредельность, бестелесность; и все подобное находится окрест сущности и представляет то, что она не есть, а не то, что она есть; также как и принципы Промысла и суда, согласно которым все мудро управляется и вместе с которыми созерцание гармоничного [устройства] природы ведет к Богу, по аналогии являя своего Создателя только в том отношении, что Он есть. А поскольку отрицания противоположны утверждениям, они попеременно дружелюбно сочетаются друг с другом вокруг Бога и взаимозаменяют друг друга, как, например, отрицания, обозначающие не то, что Бог есть, а что Он не есть, соединяются с утверждениями относительно того, что это Не-сущее (msФн)⁹ есть нечто; в свою очередь, утверждения, обнаруживая только то, что Он есть, а не то, что [именно] Он есть, соединяются с отрицаниями относительно того, что это Сущее есть нечто. Так, с одной стороны, они являют взаимную противоположность друг другу, а с другой – родство относительно Бога вследствие взаимообращения совпадающих противоположностей.

Апория 97

Из того же Слова на [слова]: “Но поскольку для Благости недостаточно было двигаться только в созерцании Себя Самой, а надлежало, чтобы благо разлилось и распространилось как можно дальше, дабы облагодетельствованных было как можно больше, [Бог измышляет ангельские и небесные силы].

Когда я спросил об этом великого и мудрого старца, неоднократно мною упомянутого, он сказал, что великий и богоносный Григорий показывает этим то, что самотождественный Бог в Самом Себе единственен, поскольку Он в собственном смысле Один, не имея в Себе совершенно ничего отличного по природе, что мыслилось бы вместе с Ним, и имея в Себе только непомыслимое, безначальное, беспредельное и непостижимое постоянство, из которого по безгранично щедрому излиянию благости [Он] привел сущее из не-сущего и осуществил [его], восхотел пречисто уделить Себя Самого соответственно всем и каждому, даруя каждому способность к бытию и пребыванию; согласно со [словами] святого и богоподобного великого Дионисия Ареопагита, который утверждал, что у Бога должно воспевать [Его] Единичность, поскольку Он изъят из всего, по благости приведя в бытие все благоустройство духовного [мира] и все благолепие видимого; соответствующим образом Он неумаленно присутствует в каждом из творений по некому неизреченному основанию премудрости, но не объемлется вообще никаким словом и образом, – в одних [присутствуя] по преизбыточно щедрому излиянию, в других – умеренно, в-третьих – тем, что они могут хотя бы чем-то Его отобразить. И именно это, видимо, и означает, по моему неразумию, что “благо разливается и распространяется как можно дальше”, [то есть] что единый Бог умножается раздаянием благ сообразно восприимлющим.

Апория 98

Из того же Слова на [слова]: “Он вступает во второе общение [с нами], гораздо более чудное, чем первое”¹⁰.

В первом творении Бог [Своим] дуновением привел в общение с Собой человеческую природу, которая была [еще] чиста (ибо она была почтена рукою Божией), передавая подобному Божественную красоту согласно образу. Но как мне кажется, удивительно было не столь это (несмотря на всю важность), сколь то, что Он соизволил принять в общение нашу природу, после того как она осквернилась и сбежала от Него из-за отпечатлевшихся на ней страстей, стал общником худшего и увеличил чудо удивительным соединением без всякого смешения с вещами. Ибо прежде никаким образом (trТрон) или определением (lТгон) сущности или ипостаси, в которых обобщенно созерцается все сущее, природа не обретала единства с Богом, теперь же через невыразимое соединение она приобрела ипостасное единство с Ним, сохраняя свое собственное сущностное определение без изменения отличным от Божественной сущности, с которой благодаря соединению она имеет единство и различие по ипостаси¹¹, дабы по принципу бытия, согласно которому она возникла и существует, она пребывала бы, обладая собственным никоим образом не умаленным бытием в прямом смысле, а по принципу способа бытия она, приняв Божеское ипостасное существование, совершенно не знала и не принимала склонности к движению относительно чего-то иного. Вот так Слово сотворило гораздо более чудное, чем первое, общение с человеческой природой, сущностно соединив с Собой по ипостаси саму природу.

Апория 99

Из того же Слова на [слова]: “А теперь прими чревоношение, и взыграй, если не как Иоанн во чреве, то как Давид при возвращении ковчега”¹².

1. Великий Иоанн – не только образ покаяния, бесстрастия в деятельном любомудрии и познавательного созерцания (первого как провозвестник и Креститель, второго как пустынный и полностью удалившийся от мира, а третьего как левит, священник и предтеча Бога Слова), но и символ непреложного обладания этим, поскольку от чрева [матери] и до смерти он сохранил неослабленной душевную бодрость в этих вещах. Также и Давид – образ покаяния, делания и умозрения, во-первых, как пастырь иудейского народа, а затем как его царь и истребитель иноплеменников, однако он не является символом непреложного обладания этим. Ибо он согрешил после осознания [греха], претерпев нечто человеческое, и не сохранил непреложным обладание добродетелью и ведением. Поэтому, видимо, не от чрева он взыграл о Слове, как написано об Иоанне, но после полного истребления иноплеменников и водворения ковчега, то есть после отступления от страстей и нового возвращения ведения.

Итак, Иоанн – прообраз всех, рождающихся в духе через покаяние согласно добродетели и ведению и благодаря преуспеянию сохраняющих обладание ими непреложным до конца; Давид же – всех, погрешающих после осознания [греха] и снова через покаяние возвращающих своей душе ликование Божественной радостью о добродетели и ведении. Итак, будучи немногословен и Духом разумно сосредоточив обширность слова, великий учитель уподобил слушателей Божественных слов великим Иоанну и Давиду по состоянию одного из них, поскольку всякий живущий в благочестии, как мне кажется, непременно соответствует одному из них по образу поведения, хорошо показанному применительно к тому и другому. И он словно отчетливо возглашает: “Все вы, которые приняли божественное Слово добродетели и ведения, чревоносимое в вас через покаяние, или, подобно великому Иоанну, от начала и до конца благодаря преуспеянию в непреложном обладании сохраните божественное взыграние души о Нем, не прельщаясь совершенно никаким видом греха и неведением; или, подобно блаженному Давиду, даже если случилось с вами на божественном пути что-либо нежелательное, ревностно через покаяние усердствуйте вернуть себе добродетель и ведение ревностным

терпением и изучением Божественных речей, да не претерпите страдание священника Илия, по легкомыслию отдав страстям этот пребывающий в вас божественный ковчег (я имею в виду добродетели и ведения) и, упав навзничь подле дверей Силомского храма¹³, не умрете, сокрушив плечо делания”.

Более ясно, как мне кажется, учит об этом блаженный этот Отец в слове на новое Воскресенье¹⁴, говоря: “Мы имеем повеление *петь Господу песнь новую*¹⁵, увлечены ли мы были грехом в Вавилон, в это лукавое смешение, и потом счастливо возвратились в Иерусалим (и как там, будучи на чужой земле, не могли петь Божественной песни, так здесь установили и новую песнь и новый образ жизни), или постоянно пребывали и преуспевали в добре, и одно уже совершили, а другое еще совершаем с помощью обновляющего Духа”. И насколько я могу догадаться по моему неразумию, именно это имел в виду учитель, сказав: “А теперь прими чревоношение, и възиграй, если не как Иоанн во чреве, то как Давид при возвращении ковчега”, сведя толкование сказанного к способу толкования сообразно званию и роду.

2. Внимательные исследователи этих тайн, а также любители и созерцатели присущих им Божественных слов говорят, что вообще принцип толкования Писания, будучи одним, толкуется десятикратно расширенным – на место, время, род, лицо, звание или род занятия; на деятельное, естественное, богословское любомудрие; на настоящее и будущее или на отображение и истину; а затем стесняясь, он ограничивает пять способов тремя, и снова три двумя, и два заключает в одном совершенно неисчисляемом принципе. Как, например, пять способов – согласно *времени, месту, роду, лицу и званию* он сводит к трем – *дейтельному, естественному и богословскому [любомудрию]*, эти же три к двум, означающим *настоящее и будущее*, а эти к таинственному, простому, как они говорят, и всеобъемлющему неизреченному *Слову*, из Которого по происхождению произошла всеобщая десятка способов толкования Писания, и к Которому путем ограничения эта самая десятка снова напряженно сводится в единицу как к [своему] началу.

И согласно *времени* слово Писания толкуется, когда *некогда, было, есть, будет, прежде этого, настоящее, после этого, при этом, сначала, прошедшее, будущее* указывает на годы, времена, месяцы, недели, дни, ночи и их части и просто на все, что выражает время. Согласно *месту*, когда оно обозначает небо и землю, воздух и море, вселенную, пределы, страны, острова, города, храмы, деревни, поля, горы, ущелья, дороги, реки, пустыни, точила, гумна, виноградники и просто все, что может определять

место. Согласно *роду* – вообще всякий раз, как оно указывает на ангелов или умные сущности, сущие в небесном устройстве; на солнце и луну, звезды, огонь и все, что находится в воздухе, на земле и в море; или на животных, растительные существа или растения; и на все, что добывается из земли и служит искусству людей, и все иное подобное [этому]; и особым образом опять-таки, когда оно именуется людьми, национальностями, народы, языки, племена, роды и все подобное исчисляемое и неисчисляемое. Согласно *лицу* – когда оно называет по имени этого вот ангела, или этого архангела, или серафима, или обитающие на небесах умные сущности, или упоминает по имени Авраама, Исаака, Иакова или кого-то другого, о ком говорится в Писании со славой или порицанием. По *званию* же – когда оно [обозначает] царство, царя, пастуха, стадо, священника, священство, земледельца, полководца, зодчего и просто иное какое-то [занятие], по которому различается человеческий род.

Все то, что объемлется этими пятью способами, как показало [наше] рассуждение, состоит из сущности), способности и деятельности, [то есть] из своих первых разделений, и оно непременно движет или движется, испытывает воздействие или действует, созерцает или созерцается, говорит или говорится, учит или учится, принимает побуждение или отвращение, и короче говоря, просто делая или претерпевая, представляет нам разнообразно сплетенные между собой *деятельное, естественное и богословское любомудрие*. Иными словами, каждое из названного многообразно постигается примышлениями согласно толкованию относительно них, достойно похвалы или порицания, и обнаруживает присущие каждому основания, которые следует исполнять или не исполнять, естественные или неестественные, постигаемые умом или непостижимые. Ибо, как я сказал, двоякий способ у каждого основания, делающий насколько возможно ясное исследование присущего им толкования, чтобы посредством утверждения тех оснований, которые нужно исполнять, естественных и умопостижимых, и посредством отнятия представлений, которые не нужно исполнять, неестественных и непостижимых умом, благочестивые стяжали деятельное, естественное и богословское любомудрие, или, иначе говоря, боголюбие.

И эти [виды любомудрия] в свою очередь разделяются на *настоящее и будущее*, как имеющие тень и истину, и отображение и первообраз. И то, что возможно человеку [лишь] сверхъестественным и небесным образом в этом веке, – а именно достигнув высочайшей меры добродетели, ведения и мудрости, улучшить знание вещей Божественных, – возможно в отображении и образе первообразов. Ибо отображение – это поистине

всякая истина, которую мы считаем существующей ныне, тень и образ великого Слова. Слово, существующее во всем в настоящее время и [обращенное] в будущее, сотворившее все целиком, постигается как Сущий и являющийся в образе и истине, как превышающий настоящее и будущее, и образ и истину, так как не имеет ничего противоположного, что созерцалось бы вместе [с Ним]. Истине же противоположна ложь. А превыше истины как раз Слово, к Которому все сводится, опять-таки потому что Оно – человек и Бог и превышает поистине всякое человечество и Божество.

Итак, первые пять способов сводятся по своему многообразному толкованию к деятельному, естественному и богословскому любомудрию, а они в свою очередь – к настоящему и будущему, или к отображению и истине, настоящее же и будущее – к начальственному или, иными словами, к бывшему в начале Слову¹⁶, побуждающему претерпевать и видеть Его тех, кто стал Его достоин, кто усердно с помощью сказанного совершил к Нему путь и сделал десятку, ставшую ради них, единицей ради Него, которая стряхнула с них всякое страстное, природное и умопостигаемое движение и запечатлела в них благодатью по целостному обладанию Божественное своеобразие („diThta) Божественной природной простоты. Следует знать и то, что Слово промысла распространяется на естественное, а Слово суда – на деятельное любомудрие, согласно подобающим им способам, в которых они проявляются через созерцание сущего и становящегося.

3. Обдумав это, как было сказано, этот богомудрый учитель верно, как мне кажется, назвал тех, кто наречен святыми, исходя из способа толкования согласно роду и званию¹⁷ относительно каждого; великого же Иоанна – согласно месту. Поэтому святой Иоанн как провозвестник покаяния есть образ делания, как пустынный – бесстрастия, как левит и священник – познавательного созерцания, как възгравший от чрева о Слове – символ непреложного обладания добродетелью и ведением; святой же Давид как иудей и пастырь покаянием изображает деятельное любомудрие, а как царь Израиля представляет умозрительное тайноводство (tsnqewrhtiksnmustagwg...an). Итак, род святого Иоанна – это народ и племя, из которых он происходил, звание – проповедь и священство, а место – пустыня, в которой он жил; и у святого Давида так же: род – это народ и племя, а занятие или звание – пастырство и царство. Посредством этого каждый [из них], рассматриваемый соответственно самому себе согласно подобающему принципу названных относительно каждого способов, “непогрешимо” показывает таинство, которое он собой

являет.

Апория 101

Его же из Слова на [праздник] Светов на [слова]: “Если бы им надлежало сделаться совершенными нечестивцами, непременно отпасть от славы Божией, предавшись идолам, произведениям искусства и делам рукотворным, то благоразумные не пожелали бы им ничего иного, как иметь такие предметы поклонения, и так их почитать”¹⁸.

Когда это было прочитано, по вашим словам, некоторые слушатели укорили учителя, считая несправедливым, что благоразумные и решившие жить по Евангелию пожелали кому-то иметь такие предметы поклонения и так их почитать. Ничего своего я им не отвечу, но [лишь] то, чему научился от одного старца, мудрого в Божественном и чтущего учение Отцов. Святой и блаженный отец наш и учитель Григорий, друзья, (я буду беседовать с ними как с присутствующими), узрев, что эллины прежде пребывали в столь неразумном заблуждении и совсем отделились от понятия о подлинно Сущем Боге, излагает [все] это по закону сострадания, чтобы от бессмысленности и ничтожности, а точнее от мерзости того, чему они поклонялись, после полного ниспровержения [своими] убедительными доводами предметов [их] поклонения, совершенно легким стало для них восхождение к правоверию; а также дабы никто из них не впал в зловерие, поскольку их обман сразу всем очевиден и легко уличаем, не скрывая таящееся зло ничем из того, что кажется ценным.

Перевод с греческого И. Пролыгиной

Примечания

¹ - Букв. 'бесплодная', *steire΄bousa*.

² - Синод. перевод: ...наблюдайте, чтобы приношение Мое, хлеб Мой в жертву Мне ... приносимо было Мне... – Ред.

³ - Синод. перевод: Что мне и тебе, человек Божий? ты пришел ко мне напомнить грехи мои... – Ред.

⁴ - То есть "тварные сущности".

⁵ - "всего", то есть "само себя".

⁶ - Ср. Аристотель. Физика, IV, 4, 212 а, 5–7.

⁷ - См. PG 36, 313.

⁸ - Ср. Мф 13:34.

⁹ - Ср. Дионисий Ареопагит. О Божественных именах. I.1: Бог есть "само не-сущее как запредельный всякой сущности".

¹⁰ - PG 36, 325.

¹¹ - Το καθ' ὑπόστασιν ἕνας διάφορον. Трудное выражение. По-видимому, преподобный Максим имеет в виду, что во Христе было, с одной стороны, единство по ипостаси, а с другой стороны, различие по сущности между человечеством и Божеством. Хотя слова "по сущности" здесь опущены, их необходимость следует из предыдущих слов преподобного Максима о том, что человеческая природа во Христе сохраняет свое собственное сущностное определение без изменения и отличается от Божественной сущности. Не исключено также, что преподобный Максим здесь имеет в виду, с одной стороны, ипостасное единство двух природ во Христе, а с другой стороны, различие между нашими человеческими ипостасями и Божественной ипостасью Бога Слова. Однако такой переход из области христологии в область антропологии здесь только гипотетичен.

¹² - PG 36, 329.

¹³ - 1Цар 4:18.

¹⁴ - Слово XLIV святителя Григория Богослова на новое Воскресенье, PG 36, 608.

¹⁵ - См. Пс 149:1.

¹⁶ - Согласно преподобному Максиму Исповеднику, принцип толкования Писания включает 10 способов толкования: 5 способов – согласно месту, времени, роду, лицу, званию (которые соотносятся с

главными категориями – сущностью, способностью, деятельностью) сводятся к 3 способам: деятельному, естественному и богословскому любомудрию, которые сводятся к 2 способам: настоящему и будущему (или тени и истине, или отображению и первообразу) и, наконец, к Слову (Слово промысла соотносится с естественным любомудрием, а Слово суда – с деятельным).

¹⁷ - См. конец первого параграфа.

¹⁸ - Из Слова XXXIX святителя Григория Богослова на святые Светы, PG 36, 341.

Содержание

Максим Исповедник О различных трудных местах (апориях) преподобный Максим Исповедник	1
Апория 18. Толкование на Анну и Самуила (1 Цар 1:20).	2
Апория 19	3
Апория 20. Толкование на пророка Илию и Сарептскую вдову (3 Цар 17:9).	4
Апория 32	5
Апория 33	6
Апория 34	7
Апория 35	8
Апория 54	9
Апория 55	10
Апория 56	11
Апория 57	12
Апория 95	14
Апория 96	15
Апория 97	16
Апория 98	17
Апория 99	18
Апория 101	23
Примечания	24